

1978, 16авт.

ПЕЧАТАЕТСЯ
С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

Л. АННИНСКИЙ

ТОЛСТОВСКИЙ ЭКРАН

Дальнейшее описано самим Мейером дважды: тогда же, в 1909 году, в разговоре с журналистами из «Вечернего Петербурга», и полвека спустя, во Франции, в беседе с Б. Агаповым и И. Копалиным. Я попытаюсь, соединив эти источники, извлечь реальность и из-под возбуждения первоначальной сенсационности, и из-под пелены старческого припоминания.

Увидев на экране самого себя, Лев Николаевич пришел в «такой восторг», что попросил повторить показ (в восторг не верю, в повтор верю. — Л. А.). Мейеру было сказано, что отныне он, Мейер, может снимать Толстого «сколько угодно» (не верю. — Л. А.). Далее Толстой произнес фразу, достоверность которой несомненна, ибо полгода спустя о том же самом зашла речь в беседе Толстого с Л. Андреевым:

— Интересно видеть самого себя почти живым: точно раздвояешься.

— Видовые ленты вызвали реакцию, в достоверности которой у меня тоже нет никаких сомнений:

— Это замечательно, это большое дело, надо использовать его для школы. Это поучительное и разумное зрелище — оно имеет огромную цену как учебная мера... Скажите, а существуют ли синематографические журналы?

— Да, Лев Николаевич, за границей образовалась уже целая литература, у нас же в Москве издается журнал «Сине-Фоно», и он, кажется, единственный, — ответил Мейер.

Далее следует реплика Толстого, в которой не все вяжется: «Жалко. Дело хорошее, и его надо вывести из рук невежественных коммерсантов. В других руках должен развиваться кинематограф».

Тут не все понятно. Что «жалко»? Что издается журнал? Что он единственный? Или что его издают коммерсанты? Но о коммерсантах речи не было, — С. В. Лурье, издававшего «Сине-Фоно», во всяком случае, к коммерсантам не отнесешь.

Между прочим, с этой смутно переданной реплики берет начало легенда о великом гневе Толстого в адрес «торгашей», захвативших кинематограф. Легенду эту я здесь анализировать не буду, вернусь к фактическим событиям в Ясной Поляне 24 сентября 1909 года.

ПОСМОТРЕВ видовые ленты, Толстой ушел в дом, а крестьяне стали просить Мейера покрутить еще что-нибудь. И тут Мейер зарядил «Ухаря-купца». Крестьяне этот гончаровский шедевр восприняли спокойно, а вот Александра Львовна пришла в страшное возбуждение и побежала к отцу: что за ужас там показывают крестьянам! Это же безобразно, неприлично! Мейер понял свою ошибку, но было поздно: Толстой вышел, сказал Мейеру, чтоб тот прекратил сеанс, и запретил ему на будущее как сеансы, так и съемки в Ясной Поляне.

Этот эпизод, фигурирующий, естественно, только в беседе — в интервью 1909-го Мейер о нем умалчивает, — сомнений не вызывает: когда вскоре после Мейера в Ясную Поляну стал проситься со своими лентами Дранков, Софья Андреевна специально предупредила его, чтобы он показывал только ленты «с природы» — других Лев Николаевич не любит. Мы еще увидим, что Дранков совету не внял, и сделал это в своих целях, а пока закончим с Мейером, вызвавшим такую бурю.

Мейер уехал, а два месяца спустя появился снова, имея приказ Патэ снять Толстого любой ценой: съемками очень интересуется Америка. Договориться о съемке Мейеру не удалось: в записках домашнего врача Толстых Д. П. Маковицкого отмечено под февралем 1910 года, что приехал-де в третий раз «этот Мейер», которому уже дважды отказывали. Стало быть, во второй приезд, 24 ноября 1909 года, Мейеру было отказано.

Но он не уехал сразу, а подстерег Толстого во время прогулки.

«... Мы оживленно беседовали...»

В «оживленную беседу» я, конечно, не верю, а верю вот во что: подойдя к Толстому, Мейер попросил позволения снять его здесь же, в аллее. Толстой нахмурился и ответил, что это противоречит его принципам. Мейер попробовал настаивать. Толстой внимательно посмотрел на него:

— Уйдите, вы мне мешаете.

МЕЙЕР отступил, но не сдался. Он пробежал по соседней аллее вперед и спрятался с камерой на пути Толстого: он понял, что судьба дает ему шанс.

Толстой появился, медленно приближаясь. Скрип снега заглушал стрекотание камеры, и Мейер начал снимать... пять... десять... пятнадцать... восемнадцать метров пленки.

Это была победа!

В тот момент, конечно, Мейер вряд ли всматривался в лицо Толстого — не до того было: держал кадр. Но посмотрев в Москве готовую пленку, он оценил снятое.

... Толстой идет медленно, держа в руке свою диковинную палку.

Останавливается.

Смотрит вверх на деревья.

Опускает голову, задумавшись.

О чем?

Из дневника и записной книжки Толстого, 24 — 26 ноября 1909 года:

«... Люди безнадежны и сами готовят себе неизбежную гибель...».

«... В России совершается теперь нечто ужасное и совершенно исключительное, я думаю, нигде никогда не происходившее в истории...»

«И это жалкое подражание Европе... Нечто подобное тому, что бы делал человек, укладывая камнями снежный путь для того, чтобы подражать тем людям, у которых нет зимы и которые мостят дороги...»

«Безумие...»

...**28** ОКТЯБРЯ 1910 года Толстой тайно ушел из Ясной Поляны. 29 октября Софья Андреевна, собрав телеграммами сыновей, взмолилась, чтоб нашли отца. Андрей Львович ответил, что вряд ли Лев Толстой надолго в России спрячется: сейчас начнется особого рода спорт: кто первый найдет Толстого.

И точно: армия репортеров уже шла по его следам. 30 октября о таинственном исчезновении графа писали все газеты, 31 октября «Русское слово» посвятило этой теме целую полосу. В газетах фигурировала фантастическая «прощальная записка» Толстого, в которой, в частности, будто бы была фраза: «Кинематографы и авиаторы отравили мне жизнь». В другой газете говорилось: «Для Будды нашлась пустыня. Но для Толстого пустыни нет. Куда бы он ни удалился, его везде настигнут телеграф, кинематограф и автомобиль».

Таким образом, кинематограф обогнал и авиацию, и автотранспорт. Телеграф был пока впереди...

Появилось сообщение, что синематограф готовит сенсационную новинку: фильм о бегстве Толстого. Тотчас же появилось требование немедленно запретить это кощунство.